

СЕРЖ ТАНКЯН

ДОЛОЙ

СИСТЕМУ!

АВТОБИОГРАФИЯ СОЛИСТА SYSTEM OF A DOWN

Издательство АСТ
Москва

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)
Т18

Serj Tankian
Down with the system

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Aevitas Creative Management UK Ltd u Nova Littera SIA

Танкян, Серж.
Т18 Долой систему! Автобиография лидера System of a down / Серж Танкян. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Персона и контркультура. Био-
графии).

ISBN 978-5-17-155718-8

История Сержа Танкяна начинается задолго до появления System of a Down — с армянской деревни, исчезнувшей с карты, рассказов пережившего геноцид деда и детства в охваченном гражданской войной Бейруте. Переезд в Лос-Анджелес обещал семье безопасность и новую жизнь, но принес с собой другой опыт: жизнь внутри диаспоры и противоречия американской мечты.

Танкян рассказывает, как отказался от предсказуемой карьеры ради музыки, как складывался уникальный язык System of a Down и почему успех группы оказался одновременно источником свободы и серьезным испытанием. Студийная работа с Риком Рубином, гастроли, творческие разногласия и политический активизм здесь становятся частью более широкого разговора — о праве художника на собственный голос, об ответственности перед прошлым и о цене компромисса.

«Долой систему!» — откровенные и остроумные мемуары человека, который всю жизнь ищет точку равновесия между искусством и общественным действием, гневом и состраданием, принадлежностью и независимостью.

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)

ISBN 978-5-17-155718-8

Copyright © 2024 by Serj Tankian
Jacket photograph © Travis Shinn
© И. Ю. Рябцова, перевод, 2025
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

DOWN WITH THE SYSTEM!

When the doors of hope open
To an illuminating silence,
We plead to the gods of industry
To release us from our lives.
Casual neckties embrace phantom genes,
Possessing cellular catastrophes,
As sex scandals dictate
The winding road of Re'al Poli'tic
The bully runs out of his corner,
Images rule through the media,
The hungry hunger further during Thanksgiving,
Where the landowner
Turned urban corporate,
Thanks the native population
For their lands and lives.
"Thank you for letting us fuck you!"
Dormant doorknobs professing decisions
Behind closed doors,
Behind closed minds,
Attractive feudalism,
Commercial Orwellianism,
Global pacification proclamations
Bought for a dollar increase in the minimum wage.
Devaluating nationalism against the dollar.
Repeating the mistakes of former empires.

ДОЛОЙ СИСТЕМУ!

Когда двери надежды распахиваются
В просветительную тишину,
Мы молим богов индустрии
Освободить нас от жизни.
Повседневные галстуки обхватывают фантомные гены,
Полные клеточных катастроф,
Как секс-скандалы прокладывают
Извилистую дорогу Реальной Политики
Хулиган выбегает из-за своего угла,
Картинки правят с помощью медиа,
Голодающие продолжают голодать на День благодарения,
Когда землевладелец
Превратившийся в урбанистическую корпорацию,
Благодарит местное население
За их земли и жизни.
«Спасибо, что дали нам себя выебать!»
Пассивные тупые дятлы, провозглашающие решения
За закрытыми дверями,
За закрытыми умами,
Привлекательный феодализм,
Коммерческий Оруэллизм,
Декларации глобальной пацификации,
Купленные за доллар, добавленный к минимальной оплате труда.
Девальвация национализма по отношению к доллару.
Повторение ошибок бывших империй.

Security is the deadliest and most misused word
Of the 20th century.

Under the auspices of security,

We murder, loot, and incarcerate.

We fight over the dismantling of others'

Weapons of mass destruction,

While building our sinister influencing programs.

We can feel the End near,

As we lay helpless against the global

Corporate, elitist machine.

Open your eyes,

Open your mouths,

Close your hands,

And make a fist.

Down with the System!

Безопасность — самое смертоносное и неверно употребляемое слово
Двадцатого века.

Под эгидой безопасности

Мы убиваем, грабим, заточаем.

Мы сражаемся за разоружение чужого

Оружия массового поражения

Пока строим собственные зловещие программы влияния.

Мы чувствуем, что Конец близок,

Поскольку мы беспомощны перед глобальной,

Корпоративной, элитарной машиной.

Откройте глаза,

Откройте рты,

Сожмите руки

В кулаки.

Долой систему!

ПРЕДИСЛОВИЕ

На часах было всего пять утра, а я уже чувствовал себя так, будто меня переехал грузовик. Сидя на краю кровати в отеле в Денвере с прижатым к уху телефоном, я гадал, как до этого дошло. На другом конце провода был Говард Стерн — ну, не только он, а вся его разномастная команда с радишоу, — и они меня допрашивали.

Двумя неделями ранее *System Of A Down* выпустили наш второй альбом, *Toxicity*, теперь ставший альбомом номер один в стране. Думаю, можно с уверенностью сказать, что в истории современной музыки еще не было настолько маловероятных кандидатов на попадание в топы чартов, как мы: группа армяно-американцев, играющие практически не поддающееся классификации сочетание дико агрессивных металлических риффов, нестандартного, то и дело меняющего темп ритма и армянских народных мелодий, пока я то рычу, то кричу, то нежно шепчу слова, которые могут спокойно скакнуть от авангардной глупости к яростным социально-политическим тирадам в одной строке. Я готов первым признать: слушать такое нелегко. Но новости о нашем внезапном триумфе в чартах несколько заглушило другое неожиданное событие.

В топ мы попали 11 сентября 2001 года.

Я пялился в свой телик в то ясное, солнечное, жуткое утро вторника и наблюдал, как второй самолет врезается в башню Всемирного торгового центра. Как и большинство людей, я был в абсолютном шоке. Как это могло случиться? Кто мог такое сотворить? Зачем? Политики и многие представители медиа быстро разразились готовыми объяснениями в духе «им ненавистна наша свобода». Но я разбирался в истории Ближнего Востока, я читал *New York Times*, я читал *The Economist*, и подобное чрезмерное упрощение меня не устраивало. В конце концов я взял и сделал то, что делаю всегда, когда пытаюсь упорядочить в голове что-то, в чем не могу разобраться: я начал писать. Спустя два дня после теракта я запостил на сайте группы свои мысли в форме эссе, которое озаглавил «Понимая нефть».

«Террор — это не спонтанное человеческое действие, за которым стоит уверенность в чем-то», — написал я. «Люди не угоняют самолеты и не совершают теракты просто так, не вкладывая в это смысл». В последующих абзацах я углубился во внешнюю политику США, особенно в то, как дорого обходится наше нефтепотребление. Я объяснил, что теракт 9/11 был «реакцией на существующую во всем мире несправедливость, как правило невидимую для большинства американцев». Надо принять во внимание долгую, грязную историю. После Первой мировой войны правительство США добилось нефтяных концессий от Турции посредством секретных сделок в обмен на игнорирование Геноцида¹ армян, совершенного турками. Америка также свергла демократически избранного лидера Ирана и заменила его королем, чтобы получить доступ к ресурсам этой страны. Правительство даже сотрудничало с Саддамом Хусейном и «Талибаном», когда это отвечало их корыстным интересам. Санкции в Ираке способствовали массовым страданиям местных, потому что обычно они непропорционально вредили именно бедным слоям населения.

Чем пристальнее я изучал этот вопрос, тем менее шокирующими в действительности казались теракты 11 сентя-

¹ Авторское написание с большой буквы. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.)

бря. Я уже чувствовал назревающую жажду мести по всей стране, и меня беспокоили возможные последствия ее удовлетворения. «Если мы начнем бомбить Афганистан или любую другую страну, чтобы угодить желанию общественности, то, весьма вероятно, уьем невинных людей в процессе, — написал я, — и создадим новых мучеников, готовых отправиться на смерть ради отмщения за отмщение». Вместо этого я предложил многоплановый подход, который позволил бы привлечь террористов к международной ответственности.

Практически все из этого эссе откликнется эхом у многих других людей в грядущие месяцы и годы. Большая часть теперь стала общепринятой мудростью. Но в то время, когда я его запостил, спустя два дня после 9/11, все прошло не очень хорошо. Совсем не хорошо. Многие люди восприняли это так: целая нация в шоке и в трауре, а солист одной из самых популярных групп в стране говорит, что, возможно, мы навлекли эту беду на себя сами. Что это наша вина. Это слишком упрощенная интерпретация того, что я хотел сказать, но я понимаю.

Это была эра до социальных сетей, так что ответная негативная реакция не была похожа на всепоглощающее цифровое цунами, какое накрыло бы меня сегодня, но тем не менее она была. Меня осудили в газетах, на музыкальных сайтах и на радио, в том числе и Говард Стерн, кто в те дни, пожалуй, был самой популярной и влиятельной медийной личностью в стране. Наша звукозаписывающая студия настояла на том, чтобы мы убрали эссе с нашего сайта, и в первый и последний раз в жизни я уступил такому требованию. Настолько сильным было давление. Примечательно, что значительная часть гнева на меня и на группу имела ксенофобский подтекст. Нас высмеивали как иммигрантов с Ближнего Востока, имевших наглость критиковать страну, которая приняла нас и подарила нам возможности. (На самом деле Армения находится не на Ближнем Востоке, но никто не заморачивался с географическими тонкостями.)

За ночь до того, как я по телефону выступил на шоу Говарда, в том же отеле я встретился со своими согруппниками. Они были от меня не в восторге точно так же, как и все остальные. Они мечтали о том, чего мы только что смогли

достичь. Альбом на вершине чартов. А теперь этот успех заглушали угрозы расправы и обвинения в том, что все мы предатели. Это была наша минута славы, а мое эссе могло скомпрометировать всех нас. Во время той встречи первое, что мне сказал наш гитарист Дарон, было:

— Ты что, хочешь нас всех угробить?

Я помню, что ответил ему, что написал правду, что все это доказуемо.

— Да какая разница, правда это или нет! — уже принялся за меня Джон, наш барабанщик. Позже он сравнил ситуацию с эссе с надгробной речью, в которой отзываешься об умершем как о засранце прямо перед его скорбящей семьей и друзьями. Может, говоришь и правду, но поступаешь совсем не умно (и не деликатно).

— Сейчас не подходящее время об этом заявлять, — сказал он.

Я искренне извинился перед ребятами. Я-то наивно полагал, что при демократии правду можно говорить всегда.

Выступление на радиошоу Говарда тем же утром, как стартовал наш тур, было признано необходимой попыткой устранить негативные последствия. Я знал, что моя задача — выйти в эфир и всех успокоить. Рик Рубин, продюсер первых наших двух альбомов и глава нашей звукозаписывающей студии, знал Стерна и помог организовать звонок. Он также дал мне важный совет: «Не пытайся спорить с Говардом. Все пройдет плохо, если пойдешь таким путем. Лучше попытайся разговаривать с ним на тему злоупотребления властью и всего прочего. Он понимает, что правительство США в прошлом натворило херни».

Вот так потеющий я и оказался на проводе, хотя над Денвером еще даже не встало солнце. Вся критика, которой я подвергся, была странна тем, что в действительности мое эссе прочитало очень немного людей, ведь мы убрали его с сайта. Говард, Робин и все остальные, находившиеся в студии в то утро, не входили в их число. Они прочитали лишь чей-то искаженный краткий пересказ того, что я написал.

В ту же минуту, как я взял трубку, я понял, что Говард и его команда настроены на ожесточенный спор. Я не клонул. Отказался от попытки ужать свое трехстра-

ничное эссе в удобную для них цитату. Каждый раз, когда они бросали мне обвинение, я спокойно уворачивался, как и предложил Рик. Вместо того, чтобы пускаться в рассказ об ошибках правительства США, я объяснил, что «все правительства допускают несправедливости». Когда меня спросили об ужасных для людей последствиях бесполетной зоны и эмбарго против Ирака, я просто указал им, что об этом писал *New York Times*. Я признал, что публикация моего эссе в тот момент, когда это произошло, была, по меньшей мере, несвоевременна.

Неважно, что я говорил или о чем молчал, казалось, Говард горел праведным негодованием, а вся его когорта действовала так, будто поставить меня на место — это их патристический долг. Я четко помню, как во время звонка смотрел из окна отеля и видел «Денверский Колизей» через дорогу. У нас там было запланировано выступление в тот же вечер. На экранах арены крутили огромные американские флаги, а из динамиков непрерывно звучала «Боже, благослови Америку». В те дни подобные вещи были повсюду. Политики, дикторы, журналисты, черт возьми, даже сотрудники с ресепшена в нашем отеле носили значки с флагами на лацканах. Как будто сам флаг стал своего рода универсальным маркером, подсказывающим ответ на вопрос, ставший всепоглощающим в те недели после 11 сентября: вы с нами или против нас? Позже в тот день Джордж Буш так и сформулировал свое обращение к Конгрессу: «Либо вы с нами, либо с террористами». И примерно таков был созвон с Говардом; это был его способ выяснить, на стороне ли я — и, как следствие, вся наша группа — США или против. Никакого компромисса, никаких нюансов.

В какой-то момент Говард напрямую спросил, ненавидим ли мы Америку.

— Нет, мы любим Америку! — ответил я.

Это была правда. Я любил и люблю Америку. Но не думаю, что когда-либо чувствовал себя более чужим ей, чем в тот момент.

Мои бабушки и дедушки с обеих сторон пережили Геноцид армян. Мои родители познакомились в Бейруте, где я и родился. Мы жили там до тех пор, пока мне не ис-

полнилось семь, после чего эмигрировали в Калифорнию, бежав от гражданской войны в Ливане. Я плохо говорил на английском, не понимал местную культуру и вырос в общине недалеко от Лос-Анджелеса, густо населенной американцами армянского происхождения. Но я не думаю, что когда-либо чувствовал себя настолько иммигрантом и чужаком, как в тот день, разговаривая по телефону с Говардом Стерном.

Тем не менее я думаю, интервью помогло, образно говоря, вставить чеку обратно в гранату. Уверен, какая-нибудь антикризисная PR-фирма могла бы приводить этот разговор в пример на мастер-классах по уклонению от вопросов. Но мне он не понравился. И до сих пор я вспоминаю его с беспокойством и раздражением. Я не зол на Говарда или кого-то там еще. Я разочарован в себе. Я не жалею, что написал то эссе, но чертовски сожалею, что не защищал его более яростно. Я смягчил удар. Это был трудный момент для отстаивания правды, и, хотя именно это я и сделал изначально, опубликовав эссе, когда пошла жара, я слегка сдал позиции.

Слушайте, момент был напряженный. Люди пребывали в шоке. По телевизору в нижней части экрана появлялась бегущая строка, отслеживающая число погибших в результате нападения и предлагающая вырванные из контекста цитаты экспертов и государственных чиновников, предсказывающих, где может произойти следующий теракт: водочистные станции, ядерные объекты, общественные мероприятия. Наш тур, который назывался, и я не шучу, «Клятва верности» (следует заметить, что мы определились с названием за месяцы до того), пришлось отложить, потому что любые путешествия по стране были полностью прекращены. Наша группа одной из первых отправилась в путь, когда еще сама идея собрать тысячи людей на арене казалась дико рискованной. А в случае нашего тура опасность возросла еще больше из-за внутренних угроз и ненависти, направленных на нас.

Наш первый сингл *Chop Suey!* фактически запретили транслировать по радио. Припев песни: «I don't think you trust in my self-righteous suicide / I cry when angels deserve to

die»², — действительно казался сюрреалистичной отсылкой к жутким событиям 11 сентября, хотя, очевидно, был написан задолго до этого. Но сам запрет был всего лишь ошибкой, инстинктивной попыткой крупнейшего радиоконгломерата страны, *Clear Channel*, вычеркнуть из ротации песни, которые, по их мнению, могли расстроить слушателей, и без того обезумевших от нападений. Полагаю, *Chop Suey!* была очевидным кандидатом для такого списка, уж определенно более очевидным, чем некоторые другие (например, *Imagine* Джона Леннона, *What a Wonderful World* Луи Армстронга и *Bridge over Troubled Water* группы «Саймон и Гарфанкел»).

Посреди этой напряженной обстановки и всеобщей паранойи вполне понятно, почему я отступил. Оглядываясь назад, я понимаю, что если бы я тогда действительно попытался высказать свое мнение, бросить вызов ура-патриотическому угару, охватившему страну, то это почти наверняка пропустили бы мимо ушей. Никто не хотел слушать это дерьмо, и определенно не на шоу Говарда Стерна. Как писали Эдвард Херман и Ноам Хомский в своей книге «Производство согласия»³, любая попытка оспорить основы системы в тридцатисекундном интервью сделает из вас безумца. Я же должен был обезвредить бомбу, заглушить угрозы расправы над нами, сохранить ротацию на радиостанциях, гарантировать, что наш тур состоится, и убедить товарищей по группе, что я все еще часть команды.

В «Системе» всегда царило ощущение, что меня больше волнует наш посыл и политическая активность, чем сама группа. В конечном счете, это, вероятно, больше походило на правду, чем я осознавал или был готов признать в то время. Мои товарищи по группе выросли с мечтой стать рок-звездами. Я — нет. Я любил музыку, но тогда мой творческий путь все еще находился в зачаточном состоянии; на самом деле, в детстве я никогда не учился и даже не занимался музыкой, и только в колледже меня захватила эта страсть. У меня была целая жизнь — интересная, многоплановая, разнообразная — до того, как музыка стала моим всем. Я был

2 «Я думаю, ты не веришь в мой самодовольный суицид. Я плачу, когда ангелы заслуживают умереть».

3 «Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media».